

УДК 271.2

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-96-110

Московская христовщина: 1747 год

Ксения Т. Сергазина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergazina.kt@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена московской общине христоверов XVIII в. В основе ее – дело о купце Крупенникове 1747 г., сохранившееся в документах Святейшего Синода в Санкт-Петербурге, в Российском государственном историческом архиве.

Ключевые слова: христовщина, XVIII век, ортодоксия, гетеродоксия, религиозная практика, Москва, Кострома

Для цитирования: Сергазина К.Т. Московская христовщина: 1747 год // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2023. № 2. С. 96–110. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-96-110

Christ's Faith community in Moscow. 1747

Ksenia T. Sergazina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; sergazina.kt@rggu.ru*

Abstract. The study focuses on the community of Followers of Christ's Faith ("Khristovery"), which was active in Moscow during the eighteenth century. Most of the evidence is drawn from Merchant Krupennikov's File (1747) found among the documents of the Holy Synod in St Petersburg and currently held in the Russian State Historical Archive.

Keywords: Christ's Faith community, Moscow, vernacular religiosity, Russian Orthodox culture, 18th century, First and Second inquiry commissions about schismatics, Khristovery, Merchant Krupennikov

For citation: Sergazina, K.T. (2023), "Christ's Faith community in Moscow. 1747", *Studia religiosa rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 96–110, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-96-110

В центре статьи – дело 1747 г. о московском купце Иване Крупенникове, разделявшем ценности учения христовщины. Дело сохранилось среди документов Святейшего Синода и хранится теперь в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Полное название дела – «По доношению следственной о раскольниках комиссии об оказавшихся в квакерской ереси людях, в том числе о купце Крупенникове» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213).

Христовщина: учение и практика

Христовщина, или «Вера Христова», – это самоназвание аскетического учения, возникшего в России в конце XVII в. в городской среде под влиянием эсхатологических веяний эпохи. Его последователей можно считать текстуальным сообществом или религиозным движением без какой-либо ярко выраженной социальной структуры по крайней мере до начала XVIII в. Христовщина как учение состояла в проповеди жизни по заповедям, отказе от сексуальных отношений, спиртных напитков, матерной брани и зарождалось в контексте сохранения традиций дораскольного благочестия, в духе уважения к труду и молитвам и почитания народных святых (в том числе юродивых). Передача учения происходила от учителя к ученику, подкреплялась ссылками на Новый Завет, тексты христианских апологетов и жития святых и не требовала специальных обрядов посвящения.

В начале XVIII в. появились небольшие общины, состоявшие из монахов и мирян (крестьян и посадских людей), объединенных поиском пути к спасению. Центром этих собраний становилась встреча с «пророками» (чаще – юродивыми и кликушами) или «наставниками» («богомудренными» людьми, начетчиками), говорящими «не от себя», обладающими способностями транслировать некое сакральное знание. Рассмотренные источники позволяют воссоздать ритуальную практику первых общин христоверов, которая включала в себя пение молитв и духовных стихов, пророчества, практику «хождения вокруг» и общую трапезу, нередко носившую характер поминаний. Одним из первых ритуалов христовщины была практика самобичевания и «утруждения плоти» (так называемое «хождение вокруг»), сопровождавшая и дополнявшая спонтанные действия «пророков» («трясение» и «верчение»).

Никаких таинств, альтернативных церковным, и никакого обряда посвящения духовенства христоверы не предлагали – речь шла об устроении аскетических правил, соблюдение которых было непосильно даже для широкого круга монашествующих.

Никакого особого обряда перехода в общину, кроме «присяги» или «клятв» о неразглашении, никакого фиксированного членства в общинах первой половины XVIII в. не было. «Присяга» как обещание ничего не говорить о собраниях следователям и духовникам больше похоже на договор, цель которого состояла в обеспечении безопасности членов общины.

О непрерывности хлыстовской традиции с XVIII до конца XX в. вряд ли можно говорить всерьез. Очевидно, что в каждый исторический период мы имеем дело с разными феноменами и что христоверы 1730–1750-х гг. еще не отделяли себя от православия, считая христовщину одним из путей спасения, а выполнение аскетических требований общины – одним из условий достижения Царства Небесного.

Истоки представления о хлыстовских «христах» следует искать в трудах чиновников и миссионеров XVIII в., вписавших христовщину в контекст почитателей «лжехристомужей» и богохульников. С их деятельностью, и особенно с деятельностью первой и второй комиссий о раскольниках, можно связывать и процесс формирования христовщины как религиозной группы, формирования определенной религиозной идентичности ее последователей, о которой до начала следствия 1733 г. говорить не приходилось. Кроме того, нельзя исключать влияния на поздние хлыстовские общины апостольских текстов, в частности слов апостола Павла («...уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20); ср. «...или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас...» 2 Кор 13:5).

Изменение характера христовщины в конце XVIII и в XIX вв., вероятно, связано с реакцией этой группы на зарождение новых религиозных движений – скопчества, молоканства и духоборчества.

История движения

Документально историю христовщины можно проследить с начала XVIII в. Одним из первых документов о христовщине считают так называемое Угличское дело 1717 г., сюжеты которого были положены в основу указов 1733–1734 гг.

Нужно отметить, что одним из первых названий, которому христоверы обязаны представлением о схождении Святого Духа на пророков, становится именование «квакерская ересь». Корпус документов, сохранившихся в Синоде, в котором находятся и материалы Угличского дела, получил название «следствия о секте квакеров».

Как следует из анализа следственных материалов, христовщина распространялась в Московской, Ярославской и Тульской губерниях. Первыми собраниями христоверов были московское, угличское и венёвское.

Из данных комиссии 1733–1739 гг. известно, что главными центрами московских общин стали женские монастыри: Ивановский, Варсонофьевский и Никитский, а также частные дома посадских людей.

Собрания московской общины проходили в доме Прокопия Лупкина, в Ивановском монастыре, в келье старицы Настасьи Карповой, а также в Георгиевском, Варсонофьевском и Никитском монастырях, а также в подмосковной Богословской пустыни (совр. Богослово). Членами московских общин также были монахи Чудова и Петровского монастырей. Известны христоверы из Богословской пустыни и Кассиановой пустыни, что на Учме. Среди христоверов первых общин – несколько белых священников с членами семей, а также другие представители клира, монастырские крестьяне Николо-Перервинского и Симонова монастырей, посадские люди. Известно также, что к стрельцу Прокопию Лупкину – лидеру одной из московских общин – приходил старец Симонова монастыря Зосима. Большую же часть общин составляли крестьяне, живущие в городах, и посадские люди.

Пожалуй, мы могли бы даже считать учение христовщины поведением трезвого и воздержанного образа жизни среди монахов и монахинь, если бы не было примеров активной проповеди этого учения за пределами монастырских стен (не только монахами, но и мирянами).

На мой взгляд, можно говорить о существовании не только «текстуального сообщества», предшествовавшего появлению религиозных групп молокан, субботников и духоборов [Львов 2011], но и о «текстуальном сообществе», из которого возникает христовщина. В центре этого сообщества также лежит текст Библии – особенно Нового Завета.

Аскетическое учение христовщины

Как и многие другие религиозные течения конца XVII – начала XVIII в., христовщина предлагала свой путь спасения. Именно он и получил название «Веры Христовой».

Воссоздавая учение христоверов, можно выделить следующие его элементы:

– сохранение старой молитвенной практики (двоеперстия и дораскольного варианта Иисусовой молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»);

- проповедь аскезы (молитвы по ночам, отказ от спиртных напитков, запрет на сексуальные отношения как в браке, так и вне брака);
- призыв к соблюдению заповедей Господних (не красть, не лгать, не лжесвидетельствовать, не прелюбодействовать);
- противопоставление христоверов традиционной культуре (отказ от матерной брани, позднее дополненный требованием не посещать крестины и свадьбы, народные гулянья и т. д.);
- интерпретация экстатического опыта (в том числе пророческого) в категориях действия Святого Духа.

Немаловажным становится и требование соблюдать учение в тайне.

Требования строгой аскезы сближают христовщину первой половины XVIII в. как с монастырскими практиками, так и с позднейшей традицией трезвеннических общин.

Христовщина запрещала пить, ругаться «словами», драться, посещать крестины и свадьбы. Подобные предписания не только закрепляли нормы аскетики, но и проводили четкую грань между монастырской культурой, с которой христовщина была связана, и народными праздниками. Запреты на спиртное и ругань подкреплялись ссылками на Священное Писание (в частности на послание апостола Иакова) и на Священное Предание (в частности на труды Кирилла Александрийского) и считались необходимым условием для спасения наравне с запретом на блуд.

Декларируя отрицание одних форм народной культуры, христоверы подчеркивали другие. Важной становится традиция петь духовные стихи на собраниях – церковные молитвы нередко совмещались с народными мелодиями. Некоторые из пророчеств христоверов по функциям могут быть сопоставлены с традиционными гаданиями и предсказаниями знахарей. Можно предположить, что запрет на спиртные напитки восходит к новозаветному тексту, рассказывающему о праздновании Пятидесятницы: апостол упоминает глоссолалии¹ и тут же оговаривает, что участников собрания приняли за пьяных²; декларируемая трезвость – не попытка ли навсегда освободиться от такого обвинения?

Связь экстатической практики и представления о святости (освященности Духом), очевидно, не казалась христоверам чем-то невероятным благодаря опыту юродивых, наглядно представлявших именно этот феномен.

¹ Деян 2:4.

² Деян 2:13.

Чиновники интересовались также, что за учение проповедует монах московского Чудова монастыря Иоасаф (в миру Иван Семёнов). В их реконструкции оно выглядело примерно так: «Старец Иоасаф, будучи в собраниях, <говорил>, что будто в прежние времена святые апостолы и святые отцы такою верою и деланием спасение получили, и кто против того исправит, и на тех-де сходит с небеси Дух Святыи, и тогда-де уже крещение примут второе духом, а первое крещение было водою, и кто тем крещением не крестится, тот-де в царство небесное не внидет».

Сам Иоасаф уверял, что он не был автором этого учения и что «во время трясения и кругом верчения нареkania якобы оно от них чинится силою Божией и сошествием Духа Святого произносил он по научению <Алексея> Трофимова, також и расстриги Агафьи и Прокофья Лупкина»³.

Об учении о «втором крещении духом» он и вовсе не говорит в расспросе. Происхождение этого учения неясно и очень напоминает учение о втором крещении у некоторых христиан-протестантов. Возможная текстуальная основа этого учения – фрагмент третьей главы Евангелия от Иоанна – «Кто не родится водою и духом, не может внити в царствие Божие», который христоверы использовали в своей проповеди.

Образ второго крещения встречается и в расспросах игумена Варлаама Самсонова, но отождествляется не с «дарами Святого Духа», а исключительно с покаянием.

То значение, которое христоверы придают Иисусовой молитве, побудило Ю. Клэя говорить о влиянии исихазма на формирование учения христоверов, что, на мой взгляд, маловероятно, скорее, речь шла о распространенной практике чтения «начальных» молитв, с которых начиналось какое-либо действие – начало работы, вход в церковь и т. д. В число начальных молитв, даже кратких, входит и молитва Иисусова.

Религиозная практика

Одним из требований аскетического учения христовщины, наряду со строгим постом, включающим запрет на сексуальные отношения и спиртное, была рекомендация молиться по ночам. Миссионеры называют собрания христоверов «радениями», понимая под этим термином главным образом экстатическую практику

³ Чистович И.А. Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 2. С. 54.

пророка/пророчицы или группы (хоровод). В документах первой следственной комиссии мы встречаем только описательные характеристики происходящего на собраниях: «в собрании действо было такое», «верчивались», «ходили по избе вокруг для утруждения плоти», «били в грудь кулаками», «[пророк] махал руками [как] ангелы крылами машут».

Из протоколов допросов можно сделать вывод, что ритуальная практика первых общин христоверов выражалась в земных и поясных поклонах, пении Иисусовой молитвы «на гласы», пении духовных стихов и церковных песнопений, «хождении вокруг», проповеди или пророчествах, в некоторых случаях – раздаче частиц резаного хлеба, которые потреблялись и запивались водой или квасом (последние чиновниками были отождествлены с евхаристическими дарами). Верчение пророков было наиболее экстатическим и наименее контролируемым из этих хождений. Верчение, трясения пророков и моменты произнесения пророчеств можно считать основными проявлениями трансовых состояний во время собраний христоверов. Основные мотивы хождений вокруг по избе, так же как и самобичеваний, – аскетический («утруждение плоти») и покаянный. Ходившие по избе хороводом или друг за другом (за исключением пророков), по-видимому, не ставили целью достичь трансового состояния. Они сознательно подвергали свою плоть истязаниям и утомляли ее, ходя по избе полчаса или даже час без остановки. Иначе говоря, такие хождения были самодостаточны и не являлись путем достижения измененного состояния сознания. И хотя случаев впадения в экстаз нельзя отрицать, они были, скорее, следствием, чем целью.

Структура молитвенных собраний, представленная в расспросных речах первой половины XVIII в., была примерно такая:

- привод в общину нового члена (по необходимости);
- земные поклоны перед иконами (молитвы «начала»);
- пение псалмов, молитв, Иисусовой молитвы;
- пророчества с толкованиями;
- «хождение вокруг»;
- трапеза (вкушение хлеба и воды/кваса, иногда – обед).

Известны (хотя и весьма редки) упоминания о символическом освящении кваса в общине Ивановского монастыря: Настасья Карпова в квас «погружала крест и, прилепя воцаную свечу, говорила над ним Иисусову молитву» (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6. Л. 9).

Мы знаем, что собрания христоверов иногда носили поминальный характер и нередко совершались в канун церковных праздников. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что кроме воды, кваса и хлеба, на собраниях употребляли и коливо – кутью, «вареную пшеницу с медом, украшенную сладкими плодами». Кутья

освящалась в храме на вечерне в канун двенадесятых праздников и дней памяти великих святых, т. е. в те же дни, когда собирались общины христоверов.

Раздача хлеба и кваса на богослужении позволяет сопоставлять ритуалы христовских собраний с монастырскими практиками и поминальной традицией и предполагать, что на ночных собраниях накануне великих праздников христоверы раздавали освященный хлеб и/или коливо, не претендуя при этом на установление таинства причащения, альтернативного церковному.

Христоверов в конце XIX и XX вв. нередко называли постниками за полный отказ от употребления мяса. Но в XVIII в. мы еще не видим запрета на употребление мясных блюд. Позднейший запрет есть мясо в непостные дни, видимо, связан с русским обычаем навсегда отказываться от мяса после пострижения в монахи.

Московская община Ивана Крупенникова

В XVIII в., как мы узнаем из следственного дела 1747 г. о купце Иване Крупенникове (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213), собрания христовщины проходили не только в московских монастырях, но и в частных домах. Два из них – под Варсонофьевским монастырем и в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Грачах, принадлежали купцу Крупенникову.

Географически эти адреса значимы для ранней христовщины: в Варсонофьевском монастыре было две кельи (избы), построенные там на деньги Андреяна Петрова, одного из лидеров московской христовщины, известного как «немой юрод». Сам он жил в Москве у Сухаревой башни, а в кельях Варсонофьевского монастыря проживали около 15 девиц, содержание которых он брал на себя (кельи были «на его коште»). Периодически девицы принимали участие в собраниях, которые проходили в доме Андреяна Петрова у Сухаревой башни, – вместе со старицей Афросинией (Евфросинией), из того же монастыря. А церковь Николая в Грачах известна как место захоронения Ивана Суслова – одного из лидеров ранней христовщины, умершего до начала московского следствия 1733 года.

В допросе Ивана Крупенникова, схваченного в 1747 г. в Петербурге по доносу одного из участников костромского дела об Анне Степановой, «почитаемой за Богородицу», говорится о том, как купец познакомился с христовщиной и с чего начались собрания в его доме.

Он рано остался без отца – и его дядя Степан Савельев привез Ивана Петровича в Москву из деревни Акулово Ростовского

уезда, где жили его родители – крестьяне Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости Петр Никитин и Анна Мокеева. В Москве он устроил Ивана Петровича в приход церкви Смоленской Богородицы, что на Арбате, к калачнику Павлу Алексееву в работники, месяцев на десять, а потом к купцу Конюшенной слободы Савве Дмитриеву. Иван Петрович прожил у купца Дмитриева восемь лет, торговал в его лавке за Воскресенскими воротами мукою, а потом, накопив денег, снял угол в избе на Сретенке и перевез туда свою мать Анну Макевну и сестру Анну Петровну. В то время Иван Петрович был знаком с Игнатием Федоровым, «записным в раскол», т. е. старовером, и с Иваном Федоровым Сайкой, портным, «оброчным крестьянином царевны Екатерины Алексеевны». В документах он назван «стариком» – и не вполне понятно, это указание на его возраст или на его монашество. Екатерина Алексеевна, сестра Петра I, умерла в 1718 г. – это значит, что встреча Ивана Сайки и Ивана Крупенникова должна была состояться до этого времени (иначе он запомнил бы другую фамилию), т. е. раньше, чем Ивану Крупенникову исполнилось 30 лет.

Иван Сайка учил Ивана Петровича Крупенникова христовщине, рассказывая по книгам и устно о том, как можно достичь спасения через отказ от сексуальных удовольствий. «Иван Федоров сын Сайка ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истину оную чистоту и девство принял и исполнял и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.), – так говорит об этом Иван Петрович в своем допросе. Через несколько лет Иван Петрович обзавелся и своим двором, и своей лавкой, и даже своими работниками, и торговал вместе с «оброчным крестьянином помещика Сомова Яковом Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.). Про Якова Козмина он рассказал, что «оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец» и учил его, Крупенникова, как и Иван Сайка, чтобы он «жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.).

С того времени Иван Петрович Крупенников начал проводить в праздничные дни и в именины матери и сестры (напомним, они обе Анны) собрания в своем доме близ Варсонофьевского монастыря. Мы видим, что он не был женат в свои 59 лет и что его мать и сестра также разделяли ценности христоверов, т. е. в большей степени община Ивана Крупенникова – это домашняя, семейная община.

Иван Крупенников рассказывает в допросе, как проходили собрания христоверов:

В тех их собраниях действо было такое: во-первых, засветя свечи, молились двуперстным сложением Богу в землю и друг другу кланялись в ноги, говоря такие речи: «Простите, Христа ради, помолитесь за нас, за грешных», и садились по лавкам мужеск пол по сторону, а женск по другую, и певали стихи многократно протяженно, во-первых, «Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас грешных», во-вторых, «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных» же, потом «Введение, Введение, откуда Дева ведена, ведена Дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божьего сотворен, Богородица-девица, небесная царица», а в то время он, Крупенников, взяв белое платенце обеими руками за концы, вертелся кругом по солнцу, говоря такие речь: «Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович», «Сын Божий, помилуй нас», «Христос воскрес»; а прочие люди говаривали «Воистину воскрес» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 98 об. – 99).

Здесь мы видим довольно типичные для христоверов того времени обряды – земные поклоны и духовные стихи, церковные молитвы и кружения, но есть и особенное: полотенце, с которым кружится Иван Петрович, упоминание Трисвятого (редко встречается среди текстов молитв христоверов, хотя и типично для православного богослужения и мирянских домашних практик) и еще – упоминание имени Данилы Филипповича, в позднейшей христовщине получившего титул основателя христовщины.

Московская община и Кострома

Еще мы знаем, что Иван Крупенников принимал у себя в Москве костромичей – в частности, Анну Степанову, про которую говорили, что в деревне Старой Костромской губернии ее почитают за Богородицу. Следствие не подтвердило каких-либо ее претензий на этот статус – скорее, речь шла об оговоре, но можно утверждать, что в селе у Анны Степановой был особый статус, она была известна в том числе как «внучка» Данилы Филипповича. Их с теткой звали в деревне Старой, где был похоронен Данила Филиппович, «лжехристовыми внучатами». Анна Степанова приезжала в Москву, и сам Крупенников приезжал в деревню Старую. А в его допросе мы видим упоминание Данилы Филипповича с припиской «гость дорогой, батюшка родной» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 99 об.). Скорее всего, это фрагмент духовного стиха из Костромы.

При этом упоминание духовного стиха о Даниле Филипповиче идет в цепочке церковных молитв – «Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович», «Сын Божий, помилуй

нас», «Христос воскрес» («Воистину воскрес»). Причем, слова «...Данила Филиппович» и «Сын Божий» остались на одной странице (Л. 98 об.), а «...помилуй нас» – на следующей (Л. 99). По всей видимости, такой порядок слов породил путаницу (да и «богословскую коллизию») на много веков вперед: из-за отсутствия пунктуации в тексте допроса имя Данилы Филипповича слилось с титулом «Сын Божий» – и в риторике по крайней мере членов следственных комиссий закрепился миф об обожествлении Данилы Филипповича, который, впрочем, подкреплялся слухами из Костромы.

В деревне Старой в приходе села Криушева, где был похоронен Данила Филиппович, на кладбище было две часовни – два сруба, куда можно было зайти. В одном из этих срубов находилась икона Богоявления с изображением Саваофа (может быть, ее отнесли туда как неканоническое изображение, а может, по каким-то другим соображениям, не очень понятно), и в ней можно было молиться. По описанию часовня напоминает небольшие северные часовни, находящиеся на памятных или почитаемых местах.

О часовнях на могилах своих предков Анна Степанова в своем допросе рассказывает так: «Над отцом-де ее умершим Стефаном Якимовым, который погребен в том селе Криушеве при церкви над могилою, с позволения бывшего в Костромском Богоявленском монастыре архимандрита Иова построила она деревянный обруб с покрышкою и для хождения в тот обруб сделаны дверцы небольшие, також и над могилою дедовой и матери ее сотворен такой же обруб, а кем, не помнит» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 9 об.). Обе часовни находились на церковном кладбище, а не в лесу, и это были не просто сени, а именно часовенки, в которых «отправляли большие панихиды». В деле однажды называют эти часовни «гробницами» – и упоминают, что внутри находились иконы: «Иоанн Предтеча, на нем вверху изображен Господь Саваоф, благословляющая рука изображена с двоеперстным сложением» (видимо, икона Крещения или ее фрагмент), «Богоявление Господне, на котором благословляющая рука с двуперстным сложением» (вторая икона Крещения). Эта отсылка к празднику Крещения и к фигуре Иоанна Крестителя как одного из главных героев этого события кажется мне любопытной. В более поздней ритуалистике христовщины и Крещение как праздник, и крещенские тропари имели особое значение. Кроме того, нужно отметить, что на иконе было изображение Саваофа – ведь именно с Саваофом народные легенды отождествляют Данилу Филипповича как легендарного основателя христовщины, – и вдруг именно эта икона на его могиле. Причем я уверена, что здесь первична именно икона – сначала этот конкретный предмет появился в часовне, а уже потом возникает легенда, которая, может быть, и вовсе

никак не связана с этой могилой, а может быть, связана непосредственно – как память о месте и о человеке.

О себе Анна Степанова рассказала в допросе, что она «в жизнь-де свою с малолетства исповедуется и святых тайн приобщается повсегодно и крестное на себе знамение изображает троеперстным сложением, и в церковь Божию для слушания божественного пения в воскресные и праздничные дни приходит, а раскольства никакого не творит и не знает и с раскольническими учителями и прочими раскольниками не знается, и в дом к ней сторонние разные люди никто приездом не бывает» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 9–9 об.) и что «такового к ней почитания, что ей молятся и почитают за богородицу, ни от кого не слыхала и *сама таковым званием она не нарицается*, и моления ей никто не приносит, и грамоте и писать она не учена и не знает» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 9 об.).

Следствие подтвердило, что «суеверия за помянутою девкой Анной не оказалось» и что она была «на добрые и вероятные поруки освобождена». Позднее выяснилось, что в ходе следствия 1747 г. Анна, «по усмотрению присутствующих, явилась к болезни, к тому ж она оказалась в безумии и расспрашивать ее никак не можно» (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 7). В ходе следствия Анна Степанова, которой было чуть больше 60 лет, умерла. Может ли для нас констатированное следствием «безумие» Анны Степановой быть указанием на возможное почитание ее как юродивой, вопрос открытый, но что можно сказать точно – эта женщина привлекала внимание своих соседей. Связана ли эта популярность с ее вероятным родством с Даниилой Филипповичем или с ее набожностью, открытостью или закрытостью, с какими-то ее душевными качествами или образом жизни, неясно.

Московская община Ивана Крупенникова интересна как пример домовой общины: сам купец, его мать Анна Мокеева и сестра Анна Петровна разделяли ценности христовщины (поиск пути спасения, отказ от брака, девство, путь кротости и смирения) и хлыстовскую же экстатическую практику, сочетавшую пение духовных стихов и «хождения вокруг» с церковными молитвами и земными поклонами. В то же время интересна община и своей открытостью – сюда приходят и москвичи, и костромичи. А еще – поездками самого Ивана Крупенникова в село Криушино и деревню Старую, где был похоронен Данила Филиппович и жили его potomки.

И хотя, как мне кажется, нельзя говорить о каком-то одном основателе христовщины – и точно им не был Данила Филиппович из Костромской губернии, – но сама по себе связь московского купца Ивана Крупенникова и деревней Старой мне кажется

интересной. Мы можем говорить о доме купца Крупенникова как о месте встречи христоверов, приезжающих в Москву издалека. И о нем самом – как о паломнике, и, может быть, даже как о вестнике христовщины.

Приложение

Расспрос купца Крупенникова

Февраля 15 дня <1747 г.>] означенный Иван Крупенников в роспросе винулся и сказал: от роду ему пятьдесят девять лет, грамоте и писать не умеет, отец его Петр, Никитин сын, и мать Анна Мокеева Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости деревни Акуловой были крестьяне и в прошлых давних годах оной отец его умре и погребен в Ростовском уезде в селе Павлове при церкви Иоанна Предтечи, а каким попом, не упомнит, для того, что он, Крупенин, по смерти его, отца своего, остался один быть, из того ж уезду деревни Кучеры крестьянином, а своим дядею Степаном Савельевым свезен в Москву и отдан в приходе церкви Смоленской Богородицы, что на Арбате, к калачнику <которой умре> Павлу Алексееву и жил у него в работе десять месяцев и оные месяцы пожив, помянутым же дядей своим Степаном отдан купцу Конюшенной Овчинной слободы Сав[в]е Дмитриеву и жил у него восемь лет, торговал от него в лавке за Воскресенскими вороты мукою, брал по два рубли на год, и отжив оные годы, нанял он, Крупенников, на Стретенке у артиллерийского извозчика Артема, а чей сын, не упомнит, у свояченицы Федосьи Петровой угол и с матерью своею Анною Макевной и с сестрою Анною же Петровой жил года с два, торговал от означенного купца Дмитриева по трети: вышеписанной-де Сав<в>а Дмитриев и товарищ его (Л. 97 об.) записной в раскол Игнатий Федоров; и живущий у означенной Федосьи Петровой в той же избе, где он, Крупенников, с матерью и с сестрою жил, старик – государыни царевны Екатерины Алексеевны оброчной крестьянин Иван Федоров сын Сайка (который шил портное) – ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истину оную чистоту и девство принял и исполнял, и то и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает, и отшел от показанной женки Федосьи Петровой, построил на дворе артиллерийского колокольного и пушечного мастера Ивана Моторина собственную свою избу и с вышеписанною матерью своею и с сестрою жил в той избе, например, лет с десять, торговал с оброчным крестьянином помещика Сомова, а какого чину, не знает, с Яковом

Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах, а оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец, которой Козмин, також и помянутой Сайка учили его, Крупенникова, означенному, и чтоб жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением, и пожив оные годы позади Варсонофьевского монастыря в переулке купил он, Крупенников, свой двор (Л. 98) и жил года с четыре, а в те годы жили у него в работниках разных помещиков крестьяне, а кто именно и каких волостей и деревень, не упомнит, торговали в разных рядах хлебом, и оный свой двор продал и купил свой же двор в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Грачах, в котором живет и поныне; а в означенное позади Варсонофьевского монастыря его, Крупенникова, житье в праздничные дни и в именины матери и сестры его Анны, по его, Крупенникова, позволению чинены были собрания обоего пола людей, и собирались на те собрания кроме бывших в тех же собраниях матери и сестры его, например, человек по десяти – по двадцати, а иногда и по пяти – сколько когда собиралось, а именно: вышеписанные Яков Козмин, Иван Сайка, отставной солдат Петр Григорьев, церкви Иоанна Богослова, что в Бронной, из богадельни старик, а ему, Крупенникову, дядя в четвертом колене Федор Леонтьев, оброчный крестьянин Антон Елистратов, крестьяне же Лопухиных, а которого, не знает, Петр Данилов, Семен Федоров, Масленниковы два брата, оба, Иван Андреев, артиллерийские служители Михайла Мартьянов, Сергей Нифонтов, женки Марфа Федорова, Прасковья Иванова, девка Аграфена Петрова, Матрена Володимерова и сверх он и другие (Л. 98 об.), а кто именно, не упомнит, и оные все, кроме Нифонтова, померли, а Нифонтов, где имеется, не знает, и в нынешнем-де его дворе чинены были таковые ж собрания и собирались, кроме вышеписанных Якова Козмина, племянница его, Козмина, Лукерья, Козмина крестьянин Масленник Федор Иванов с сестрою родной Лукерьей да в дальней колене Федосьей, калачник, крестьянин Василий да Леонтий Егоров, женка Анна Иванова, второй гильдии купца Ивана Федорова жена Антонина Калинина, и в тех их собраниях действо было такое: во-первых, засветя свечи, молились двуперстным сложением Богу в землю и друг другу кланялись в ноги, говоря такие речи: Простите, Христа ради, помолитесь за нас, за грешных, и сажались по лавкам мужеск пол по сторону, а женск по другую, и певали стихи многократно протяженно, во-первых, Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи бессмертный, помилуй нас грешных, во-вторых, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных же, потом Введение, введение, откуда Дева ведена, ведена Дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божьего сотворен, Богородица-Девица, небесная царица, а в то время он, Крупенников, взял белое платенце обеими руками за концы, <приписано сверху строки: тряся> вертелся кругом по солнцу, говоря такие

речь: Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович, Сын Божий (Л. 99), помилуй нас, Христос воскрес; а прочие люди говорили Воистину воскрес, а в какой силе оные слова говорил и сверх того какие еще в тех же их собраниях действия чинены были, о том оной Крупенников сказал, что об оных обоих и о всем показанном без отпирательства объявит он в Святейшем правительствующем Синоде и ничего не утаит и чтоб в оной Святейший Синод он, Крупенников, был отпущен.

Публикуется по: РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97–99. Рукопись.

Литература

Львов 2011 – *Львов А.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 328 с.

References

L'vov, A. (2011), “*Socha and Piatiknizhie: russkie iudeistvuyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo*” [*The plough and the Pentateuch. Russian sect of Judaizers as a textual society*], European University, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Ксения Т. Сергазина, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergazina.kt@rggu.ru

Information about the author

Ksenia T. Sergazina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergazina.kt@rggu.ru